

Моль

Автор:

Юлия Резник

Моль

Юлия Резник

Везде, где бы они ни появлялась, ее называли Молью. И к тридцати шести годам Светлана с этим смирилась. Но потом в ее жизни возник он – невероятный красавец, одним своим видом способный свести с ума любую женщину. Разуверившись во всех идеалах, они находят друг друга, чтобы обрести главное: любовь, ради которой не страшно рисковать, умирать и возрождаться.

Содержит нецензурную брань!

Юлия Резник

Моль

Глава 1

Моль... Они звали её молью. Сколько Света себя помнила, и в какую бы компанию ни попадала, это прозвище всегда следовало за ней назойливой мухой. Сегодня ее второе имя оправдывало себя, как никогда. Двенадцать часов у операционного стола. Очередной кровавый бой в затянувшейся войне со смертью. И «кровавый» в этом случае – вовсе не стилистическая фигура речи. Кровищи в её работе хватало. Света опустила взгляд на форменный костюм, заляпанный бурыми пятнами. Ничего удивительного – если перебита артерия,

кровь бьет фонтаном. Как и в этот раз. Черте что! Слава Богу, все живы. Пока. Последний прооперированный совсем плох. Но тут только время решит – быть или не быть. Она сделала все, что могла. А могла она, без ложной скромности, очень и очень многое. Недаром в свои тридцать пять возглавила целое отделение. Ох, и поднялся тогда стон! Мужики, которые в хирургии были в большинстве, чуть с ума не сошли, что их баба подвинула. Так ладно бы, если про неё за чаркой можно было сказать «насосала». Нет! С её внешностью это было попросту невозможно... Их профессиональную гордость особо попирали тот факт, что Моль это место заслужила по праву. По праву профессионального мастерства. Шовинистические ублюдки!

Света наклонилась к умывальнику и, набрав полные пригоршни воды, умыла лицо. Подняла взгляд к зеркалу, застыла на мгновение, всматриваясь в собственное отражение. Возраст мало кого красит. Редкая женщина может похвастаться тем, что с годами становится только лучше. В этом плане Света находилась где-то посередине. Возраст её не украшал, но и хуже не делал. Она как будто застыла в одной поре. Бледная кожа, которая с детства отвергала загар, теперь благодарила свою хозяйку за его отсутствие идеальной гладкостью и свежестью. Все остальное тоже не сильно поменялось... Крупный породистый нос, тонкие губы, белесые брови, ресницы и волосы. Моль, как ни крути. Ярким пятном на её бледном лице выделялись разве что глаза. Необычного зеленого цвета. Они могли бы считаться красивыми, если бы не так сильно контрастировали со всем остальным её обликом. А так... Только ещё сильнее отталкивали.

Света отвернулась от зеркала, устало откидывая волосы ото лба. Домой... Собраться с силами, принять душ и просто уехать. Возможно, даже на такси. Она не была уверена, что сможет сесть за руль. Света даже не моргала, опасаясь уснуть.

Дверь в кабинете хлопнула. Что за хрень?

– Светлана Юриевна! Светлана...

Света резким движением закрыла кран и вышла из крохотной уборной, которая примыкала ее к кабинету, навстречу примчавшейся медсестре.

– Скорее, Светланочка Юриевна, скорее... Плохо дело. Неживой почти. Только вы спасете...

Ну вот, почему она сразу не ушла? – костерила себя Света, моясь. Философствовать вздумала... Нужно было домой ехать! Быстро закончив с обработкой, размашистой походкой вошла в операционную. Протянула руки сестре, которая ловко натянула на них перчатки, между делом информируя о показателях пациента. Торопливо подошла к столу. Ого! Давненько она не видела такой печени. Придётся повозиться, да, мальчик? Впрочем, хорошо уже то, что обошлось без разрыва крупных сосудов. Удивительное дело, учитывая характер повреждения.

– Гепатопексия по Хиари-Алферову. Поехали.

Света принялась за дело, без сожаления удаляя травмированные кусочки плоти с сомнительной жизнеспособностью. Пальцами разделяла участки ткани, ощущая натяжение сосудов и желчных протоков. Аппаратура противно запищала. Приехали. Он что, помирать собрался? Ну уж нет. Только не у неё на столе. Она второй месяц работает без потерь. Не стоит нарушать эту добрую традицию.

– Адреналин один. Дефибриллятор двести.

– Нет реакции.

– Дефибриллятор триста!

Они что сегодня, сговорились? Третья остановка за день.

– Есть! – не сдержал эмоций кто-то.

– Работаем, – строго взглянула на подчиненных Моль. Гневят Бога, раньше времени радуясь...

Из операционной не выходит – выползает. Четыре часа борьбы не на жизнь, а на смерть. Смерть удалось отсрочить, но вот надолго ли? Время покажет. Чтобы говорить о стопроцентном успехе, необходимо выждать дня три. И если не

пойдёт развитие сегментных некрозов... Совсем случайно на полу замечает небольшую записную книжку, которая, по всей видимости, выпавшую из куртки последнего пациента. Иначе быть не может. Предоперационная регулярно обрабатывается, и вещь непременно заметили бы. На автомате сует блокнот в карман и выходит в коридор.

Света быстро переоделась в модные джинсы, накинула пальто и, засыпая на ходу, вышла из здания. Едва не отключилась в пойманном такси. А потом с трудом вскарабкалась на свой, не такой уж и высокий, первый этаж. Всего пятнадцать ступенек, но даже они дались с большим трудом. Повернула ключ, захлопнула дверь, разулась и, в чем была, рухнула на постель.

Она проспала восемнадцать часов. И проснулась от жуткого голода. Не мешало бы где-нибудь поесть. Ну или заказать доставку... Нет, лучше выбраться в люди.

Однажды Моль поймала себя на мысли, что жизнь проходит мимо, а она движется по какому-то бесконечному кругу. Работа – дом, дом – работа. И никакого просвета в этой бесконечной череде серых будней... И радости никакой. Почему так? Почему она позволяет своей жизни уходить впустую? И она воспротивилась... Сломала все свои привычки на корню и начала учиться быть счастливой. Ведь счастье – оно в мелочах. Главное, научиться распознавать такие моменты. Отделять их от серой рутины, и не позволять одиночеству взять над собой верх.

Первым делом Света составила список того, что ей нравится помимо медицины. На удивление, перечень вышел довольно обширным. Она любила модную одежду и красивые туфли, груши, марочные коньяки, ристретто без сахара утром, и каретто – вечером, если нужно расслабиться. Ой, очень нравились красивые мужские машины, непременно черного цвета. А вот в интерьере Моль предпочитала более светлые тона – весь спектр от белого до кремового и песочного. В общем, в ее жизни нашлась целая куча вещей, способных подарить ей мгновения радости, удовольствия и счастья.

Света взялась за свое жилье – оставшуюся от родителей матери двушку недалеко от центра, интерьер которой оставался в неизменном состоянии последние двадцать лет. Просто раньше Свете не было дела до того, что ее окружает. Все время она проводила на работе, домой возвращалась изредка, и

только для того, чтобы отоспаться. Моль просто не замечала совковой стенки или продавленного дивана. Даже ковры на стене не вызывали никаких эмоций. Теперь все поменялось. Она отказалась от второй ставки в больнице и взялась за ремонт. Выкинула старую мебель, содрала древние обои, линолеум и переехала жить в ординаторскую – в квартире был абсолютный разгром. Через четыре месяца, сменив две бригады рабочих и обнулив подчистую баланс карты, Моль, наконец, въехала в преображенное жилище. Улыбнулась, разглядывая идеально оштукатуренные белые стены, провела по декоративным кирпичикам, которыми была отделана одна из стен в кухне, нынче совмещенной с гостиной. Красиво. Из мебели в тот период у нее была только новенькая встроенный кухонный гарнитур и надувной матрас, на котором она спала еще очень долго. Всем остальным обзаводилась уже по мере возможности. Врачи в нашей стране никогда особо много не зарабатывали, а ей хотелось покупать действительно качественные вещи. И вот теперь Света была действительно довольна: ее дом выглядел именно так, как она и хотела. Идеально...

Моль вообще была перфекционисткой, у нее был безупречный вкус во всем. Возможно, поэтому она все еще оставалась одна. Как-то, выпивая в баре, Света пришла к выводу, что отпугивает мужчин не столько своими неказистыми внешними данными, сколько... Своей яркостью. Да, это странно звучит – яркая моль, но она была именно такой. Светлана могла отрастить волосы, перекраситься в более темный цвет, чтобы не так сильно выделяться, но... это была бы уже не она. А так... Выбритые виски, ультрамодная укладка, зачесанные ото лба льняные волосы. Добавьте к этому красную помаду, невероятно стильный прикид и стовосьмидесятисантиметровый рост женщины... Ну вот кто решится подойти к такой?

В животе противно заурчало. Света оторвалась от своих размышлений и поплелась в душ. Быстро обмылась, высушила волосы, подкрасила губы. В глубине квартиры раздался звонок телефона.

– Я умерла, меня нет... Черт! Да у меня еще двенадцать часов законного выходного, – бормочет Света, спеша на звук. Честно сказать, такие звонки случались довольно часто. Редкий выходной проходил без того, чтобы ей не позвонили из отделения или не вызвали на работу в срочном порядке.

– Привет, Светик! Вырвался, наконец. Не хочешь где-нибудь посидеть?

Савельев. Единственный нормальный мужик в их дурдоме. Заведующий реанимацией. Они даже как-то пробовали начать встречаться, да только не вышло ничего.

- Привет, Слав. Ты вовремя. Я как раз собираюсь где-нибудь поесть.

- Буду у тебя минут через двадцать. Дождешься?

- Без вариантов. Я без колес.

- А где твой бегемот?

- Возле отделения бросила.

- Совсем тебя уработали?

- До смерти почти. Ладно, при встрече поболтаем.

Славка, подъехал, как и обещал, спустя ровно двадцать минут. Света уже оделась и нетерпеливо топталась у подъезда. Жрать хотелось просто смертельно.

- Чего стоишь на холоде? Ну-ка, давай руки разотру.

- Да брось, Слав. Я только вышла. Поехали уже, а?

- Проголодалась? - ухмыльнулся друг, заводя мотор.

- Как волк. Что нового?

- Ну и подкинула ты мне клиента...

Так, за разговорами о состоянии находящихся в реанимации пациентов, парочка подъехала к любимому гриль-бару.

- Вам как всегда? - поинтересовался знакомый официант.

– Да... – закатив глаза, мечтательно протянула Света. – Ваши ребрышки просто м-м-м-м-м.

Остаток вечера прошел под вкусное мясо и занимательную беседу. Как же она любила интеллектуала Славку! Что они только не обсуждали за годы дружбы. Сегодня, например, темой разговора были квазары. Даже официанты с интересом наблюдали за их эмоциональной дискуссией. Под занавес вечера, Света достала тонкую вишневую сигарету. Она редко курила. Но иногда могла себе позволить сигаретку. Роясь в карманах в поисках зажигалки, натолкнулась на непонятный предмет... Блокнот ее последнего пациента. Надо будет не забыть вернуть вещицу. Славка говорил, что мужик держится бодрячком и умирать раздумал. Да... Нужно будет непременно вернуть.

– Ну что, по домам? – поинтересовался друг, оплачивая счет.

Света медленно кивнула. После доброй порции мяса снова захотелось спать. Да и Славке ехать в другой конец города. По домам... Хорошая идея.

Глава 2

Света проснулась, когда на улице было ещё темно. Глянула на часы. Черт! Пора вставать. Потянулась на хрустящих накрахмаленных простынях, коснулась пальцами ног борта кровати. Хорошо-то как! Прошлепала босыми ногами в ванную. Туалет, душ, обязательный увлажняющий крем на лицо. Таймер кофемашины включился, процесс приготовления крепчайшего кофе начался. Она насыпала овсянку в тарелку, залила молоком и поставила в микроволновку. Включила музыку. Под Muse как-то проще проснуться. Микроволновка дзынькнула, кофе-машина зашипела. Все как обычно.

Света всегда вставала пораньше, чтобы иметь возможность насладиться зарождающимся утром, выпить неспешно свой кофе и вкусно позавтракать. Уверенным движением разрежала на абсолютно одинаковые ломтики грушу и по всем правилам сервировала стол. Несколько видов столовых приборов и бокал для воды. Она любила, когда все было красиво. Позавтракала, загрузила грязную посуду в посудомойку, вытерла со стола. Сдвинула на пару сантиметров

вазочку. Поправила сахарницу. Так гораздо лучше.

Окинув взглядом напоследок комнату, Моль удовлетворенно кивнула и открыла дверь гардероба. Некогда захламленная кладовка превратилась в достаточно просторное место для хранения вещей. Идеальный вариант, когда не хочется загромождать пространство обычными шкафами. Этих гробов в доме Моли попросту не было, от чего тот казался необычайно просторным. Воздушным даже. Она осмотрела аккуратно развешанные на плечиках костюмы. Сегодня в министерстве было назначено совещание, и ей нужно было выглядеть достойно. Света остановила свой выбор на асимметричного кроя черном платье. Очень стильно. Дополнила свой образ массивным золотым браслетом, подаренным отцом по случаю её тридцатипятилетия. С макияжем заморачиваться не стала – тушь для ресниц и обязательная красная помада. Совсем недавно Моль поняла, что ей нравится, как она выглядит. Детские комплексы, которые не давали ей жить нормально в течение долгих лет, давно остались в прошлом. Она смирилась и приняла себя такой, какой она и была. Белесой дылдой с мужицкими руками и стопами сорок второго размера. Зато её волосы имели всегда модный оттенок, а руки творили чудеса во время операций. Вот с обувью была беда, уж очень тяжело было найти нужный размер. Но и эта проблема была решаемой.

Света взглянула на часы, вызвала такси и в последний раз осмотрелась. Складки на молочного цвета шторы в спальне были не очень симметричными. Поправила. Отошла в сторону, удостоверилась, что все хорошо, и, накинув пальто, вышла из дома. На удивление, такси приехало достаточно быстро. Света решила, что лучше сразу пересесть в свою машину, чем ехать на такси в министерство, а потом на нем же возвращаться в отделение.

Она сверилась с часами, пристегнула ремень и выкатила на дорогу. Ей предстояло впустую потратить кучу времени, а она этого жуть как не любила. Однако подобные сборища в министерстве были частью её работы, не только как именитого ученого, но и как администратора крупнейшего в стране медицинского центра. Слава Богу, на этот раз ей не придётся выступать с каким-нибудь докладом. И на том спасибо.

Света подъехала ровно к назначенному часу. Она терпеть не могла опаздывать. Примерно так же, как и не любила кого-нибудь ждать. Поздоровавшись с коллегами и перекинувшись с ними парой фраз, Моль устроилась подальше от президиума. Заглянула в сумку. Черт! Она опять забыла взять какой-нибудь

блокнот. А ведь нужно будет строить умный вид и «записывать» особо важные моменты. Ведь так делают все вокруг? Даже Президент на всех совещаниях что-то усердно конспектирует. И не важно, что его последнюю «запись» поймали в объектив бдительные фотографы. И не важно, что вместо перечня насущных вопросов там было нарисовано нечто, весьма похожее на фаллос. Но ведь старался же – «писал»!

Света порылась в сумке, в надежде найти хоть какой-то клочок бумаги, и наткнулась на записную книжку своего последнего пациента. Как же вовремя она её переложила! В надежде, что мужчина не слишком расстроится, если она испишет один лист, Моль открыла блокнот. Форзац был чист, но этой записной книжкой явно регулярно пользовались. Листы были мягкими и потёртыми, будто бы их пересматривали тысячу раз. Она перевернула страницу и уставилась на исписанные крупным детским почерком листы. Это был дневник. Света не знала, что её заставило прочитать первую запись. Вообще она очень трепетно относилась к личному пространству каждого, но в тот раз... Она действовала, будто бы под гипнозом.

26 марта 1998

Сегодня Горыныч сказал, что для меня нашёлся опекун. Ну-ну... На сколько этого хватит? В последней «семье» я продержался ровно неделю. А перед этим – три дня, а перед этим... Черт! Забыл.

30 марта 1998

Новый опекун мне совсем не понравился. Это мужчина. Я видел его издали, но даже с такого расстояния он меня напугал до усрачки.

2 апреля 1998

Меня забрали из приюта и куда-то повезли. Мой опекун явно какая-то шишка. Не иначе. Откуда тогда такая тачка?! Водитель на мои вопросы не отвечал. Он вообще молчал всю дорогу. Тупой ублюдок.

3 апреля 1998

Мне совсем не нравится то, что происходит. Меня поселили за городом в каком-то странном доме. Здесь нет никого, кроме охраны, которая запретила мне выходить из дома. Ага, сейчас! Это не я ли послушался?!

5 апреля 1998

Я попытался выбраться через окно, но оно не открылось. Тогда я принялся искать телефон, или хоть что-нибудь для связи с внешним миром. Но ничего... Ничего не нашел. Ни единой зацепки, которая помогла бы мне выбраться. Не знаю, почему, но я жопой чувствую, что мне нужно валить. И как можно быстрее.

7 апреля 1998

Сегодня впервые приехал он. Мой опекун. Он вёл себя очень странно. Постоянно касался меня и гладил. Даже в свои неполные пятнадцать я прекрасно понимаю, что это ненормально.

- Что скажете, Светлана Юрьевна?

Света резко вскинула голову и посмотрела на говорящего. Её настолько поглотило повествование, что она даже не слышала, как совещание началось, не слышала докладчиков, не слышала обсуждений... Все в ней замерло и сжалось в ужасе...

Она не помнила, что отвечала, о чем вообще говорила. Света хотела только одного: поскорее вернуться к чтению. Или наоборот, напрочь забыть все, что узнала.

9 апреля 1998

Теперь я жду его визита с ужасом. И делаю все, чтобы убежать. Я был талантом в этом плане. Однажды мы с пацанами три месяца бродяжничали, пока нас не загребли мусора. А сколько раз мы убегали из приюта потом?! Миллион. Только отсюда выбраться, похоже, не так просто. Дом охраняется, как тюрьма.

12 апреля 1998

Он появился среди ночи. Я крепко спал, поэтому прощёлкал момент его появления. А проснулся от того, что кто-то всем телом об меня терся. Я испугался, вскочил, ударил его изо всех сил, защищаясь, и выбежал в коридор. Впрочем, уже сейчас я понимаю, что помощи я вряд ли дождусь.

19 апреля 1998

Прошла ровно неделя, а все тело до сих пор болит. Тогда мне преподали мой первый урок: ему не стоит отказывать. Как я и предполагал, меня скрутили охранники. Он невозмутимо ждал моего возвращения, вытирая разбитый нос.

- Ты никогда больше не будешь мне отказывать. Будешь хорошим мальчиком - и получишь все, о чем только можно мечтать. Будешь брыкаться - умрешь.

Но я не послушался. Я сопротивлялся до последнего. Именно поэтому все тело до сих пор болит. Впрочем, это не спасло меня от насилия. Пока он ограничился моим ртом.

Света резко захлопнула записную книжку. Ее затошнило. Перед глазами поплыло, и она реально начала опасаться, что ее вырвет прямо на соседа. Ну, или на стол, в центре которого в вазах стояли шикарные букеты. Какая нелепость...

Нет, она не была кисейной барышней. И брезгливой не была. Как можно, при ее-то профессии? Просто то, что она читала... Это было за гранью. Как можно отдать беззащитного ребенка извращенцу? Куда смотрели органы опеки? Мог ли кто-нибудь предотвратить то, что случилось? И что теперь делать ей с этим знанием? Света вдохнула глубоко, раз, другой... Нужно успокоиться. Нет, она не могла заставить себя продолжить чтение. В голове мелькнула совершенно детская мысль, что если она ничего не знает, то, вроде как, и не случилось ничего. С трудом дождавшись окончания совещания, Света вышла на морозный воздух. Закурила. Нет... Нужно брать себя в руки. Какое ей дело до того, что произошло когда-то давно? И произошло ли? Мало ли... Может быть, это бред больного воображения? Ну вот зачем она это прочитала?

Села в машину. В голове творилось черте что. И даже руки немного подрагивали. Руки, которые не имели права дрожать ни при каких обстоятельствах! Хорошо, что у нее нет сегодня плановых операций.

Понедельник не ставили в план. Однако это не означает, что придется сидеть, сложа руки. Экстренные случаи никто не отменял, поэтому нужно как-то успокоиться. Вот только как? Сделала несколько глубоких вдохов и нажала на газ.

Первым делом провела короткую планерку и обход. Все ее пациенты оставались стабильными. За время отсутствия Светланы никаких ЧП не произошло. Ну, ведь умеют же, когда хотят... Ей удалось немного отвлечься, но мысли все равно нет-нет, да и возвращались. Ее, как магнитом, тянуло к своему последнему пациенту. Кстати, его тоже нужно проверить... Моль засунула руки в карманы халата и уверенным шагом направилась в отделение реанимации.

- Какие люди!

- Привет, Слав. Как доехал?

- Отлично. Как министерство?

Хороший вопрос. Если бы она могла вспомнить...

- Скучно, как всегда. Как там мой безымянный?

Недавно Света выяснила, им до сих пор не удалось установить личность мужчины, которому, как она предполагала, мог принадлежать блокнот.

- Жить будет. Классно ты его собрала.

Моль пожала плечами. Ну, не спорить же с очевидным? Мальчик был не жилец – это понятно. Только мальчик ли? Если блокнот действительно принадлежал этому пациенту, то ему было уже за тридцать. Черт... А что, если он не его? Что, если парень забрал блокнот у кого-то другого? Как выяснить? И стоит ли?

Света в сопровождении друга вошла в реанимацию. Подошла к койке, на которой лежал безымянный пациент. Первым делом просмотрела карту и результаты последних анализов. Хорошо... Хороший мальчик. С назначениями Славки согласна на сто процентов. Вот не даром она его обожала. Глядишь, удастся избежать развития осложнений. Печеночно-почечная недостаточность –

та еще гадость....

Моль настолько погрузилась в записи карты, что не сразу заметила, как он очнулся. Подняв голову она встречается взглядом с глазами невероятной, библейской красоты. Такое совершенство может свести с ума кого угодно. Это он... Он тот мальчик.

Глава 3

Он выплыл из небытия. И встретился взглядом с необыкновенными, просто невозможными глазами. Где он? Сердце тревожно сжалось и пустилось вскачь. Мужчина попытался встать.

– Лежать! – рявкнула женщина. Да... Эти балтийские глаза принадлежали женщине. В голове поплыло, и мужчина практически отключился. В сознании его удерживало только одно – панический ужас.

– Все хорошо! Ты в безопасности. В реанимации. Старайся не делать резких движений, иначе похеришь мне всю работу. – Поначалу успокаивающий, уверенный голос к концу фразы стал по-настоящему металлическим. Вау... вспомнить бы, что случилось, но сознание, несмотря на все усилия, уплывало. Только одно зафиксировалось в разуме: похоже, женщина с невозможными глазами – его врач. Черт... Ну и как он попал в больницу на этот раз?

Пациент отключился, и Света, наконец, немного расслабилась. Красавчик заставил ее понервничать, когда так резко дернулся. Чего он так испугался? Что могло заставить едва живого человека попытаться встать? Его кто-нибудь искал? А если искали, то как же он, должно быть, боялся своих преследователей, если захотел уйти даже в таком состоянии?!

– Чего это он, как думаешь? – ворвались в мысли слова Славки.

– Понятия не имею. Глюки, наверное, – как можно более беззаботно ответила Света и вышла из палаты.

- Ты сегодня как? В кино не хочешь сходить?

- Не знаю, Слав. Что-то утомил меня этот день. А впереди еще столько работы, - пожалала плечами Моль. - Давай в другой раз.

Меньше всего сегодня ей хотелось развлекаться. Никто и ничто не смогло бы отвлечь ее от мыслей о красивом мальчике, который едва не умер на ее столе. Никогда, наверное, она не забудет его глаз.

Зашла в кабинет, закурила. Черт. Нужно с этим завязывать... В ее возрасте никотин - не лучший товарищ, но... Открыла сумку, достала блокнот, отбросила его в сторону нервным движением.

- Светлана Юриевна...

- Да?

- Там после автокатастрофы привезли. Целая семья. Рук не хватает.

- Иду.

Моль выкинула из головы все, что терзало ее с самого утра, и вошла в операционную. Здесь все знакомо, все, как она и привыкла.

- Поехали.

Домой возвращается спустя шесть часов. Ноги гудят, спину ломит, но терпимо. Бывало гораздо хуже. Бокал вина и ванна с пеной. Хорошо-то как. Мысли о незнакомце возвращаются. Как и вопрос о том, что же ей делать дальше. Пойти в полицию? Смешно. Она не знает имен участников и не имеет доказательств того, что эта история случилась на самом деле. Допила одним глотком вино и встала из ванной. Смыла пену, обернулась в широкое пушистое полотенце. Вышла в коридор, остановилась взглядом на сумке, которая аккуратно пристроилась на маленьком столике в прихожей. Подпрыгнула от непривычно громкого телефонного звонка. Черт... Мать.

- Алло.

- Добрый вечер, Светлана. Ты так и не нашла времени со мной встретиться.

Ага... Точно. Не нашла. Собственно, она и не искала особо, но разве в этом признаешься?

- Прости, Паулина. Забегалась.

Ее мать, Паулина Золотарева, была известной театральной актрисой. Красивой, талантливой и... ужасно холодной. По отношению к дочери холодной, отношений с мужчинами это не касалось абсолютно. Сейчас, в пятьдесят пять, Паулина была счастливой обладательницей тридцатилетнего любовника. Впрочем, благодаря своевременным и очень профессиональным пластическим операциям, она выглядела едва ли не его ровесницей. И уж точно ровесницей собственной дочери.

- Света, ну сколько раз я тебе повторяла, что ты должна называть меня мамой. По крайней мере, когда мы наедине...

Света промолчала. Не считала нужным ничего комментировать. Как и не считала возможным для себя называть эту женщину матерью. Когда-то давно, в детстве, она бы многое за это отдала, сейчас же... Слишком поздно.

- Ты что-то хотела?

Паулина фыркнула. Любовь к театральным эффектам у нее была в крови. Иногда Свете казалось, что она всегда в образе.

- Вот! В этом ты вся... Ты даже не помнишь, что я тебя просила договориться с профессором Шишковым по поводу Николая Петровича...

Николая Петровича? Худрука Паулины?

- Я тебе тысячу раз говорила, что ему абсолютно правильно удалили аппендикс. О чем тут с Шишковым разговаривать?

- Да что они понимают в провинции?

В прошлом году, на гастролях в одном из областных центров, с худруком Паулины случился приступ острого аппендицита, который там же успешно и прооперировали. А совсем недавно у него обнаружили гастрит. И объяснить матери, что операция полугодичной давности и нынешние проблемы Николая Петровича с желудком никак не связаны, было практически нереально.

- Мама, гастрит - это хеликобактер. Бактерия. Понимаешь? Ему просто нужно пройти назначенный курс лечения и отказаться от алкоголя, который сводит все старания на нет.

- Ну, знаешь ли, Светлана! Ты невыносима.

Ничего нового. Она слышала это уже тысячу раз. Впрочем, Паулина позволяла себе такие выпады только наедине.

- Слушай... У меня был очень тяжелый день...

- У тебя никогда нет времени на мать!

Справедливо. У матери тоже никогда не было времени на дочь. Время собирать камни?

- Я работаю по семьдесят часов в неделю.

- Так не работай столько!

Опять разговор ни о чем. Она не может работать меньше. Во-первых, ей это нравится, во-вторых, ее никто не может заменить - она лучшая, ну, и в-третьих - ее любовь к модной одежде, вкусным продуктам и немецким машинам влетает в большую копеечку. И вторая ставка в этом плане - хорошее подспорье.

- Не работать не могу. Жизнь нынче дорогая.

- Какая же ты сложная, Света! Вся в отца.

Начинается! Нужно срочно прощаться, иначе это никогда не закончится - мать оседлала своего любимого конька.

– Все, убегаю. Извини, за мной приехали. – И не слушая больше мать, Света отключилась.

Прошла в спальню, натянула халат и опустилась устало на кровать. Для матери она стала абсолютным разочарованием. Паулина вышла замуж в восемнадцать лет. Известный ювелир, небедный, умный человек был ослеплен ее красотой и молодостью. Она же... Она была ослеплена открывающимися возможностями. Невзрачный тридцатисемилетний прибалт Юри Ильвес был очень перспективным мужем, и не по годам расчетливая Паулина это прекрасно понимала. Мужчина пал жертвой ее чар, и свадьба состоялась. Единственное, что не планировала начинающая актриса, так это беременность. Но она случилась, и до того мягкий, уступчивый Юри уперся рогом – ребенку быть. Света родилась ровно в срок. Точная копия своего отца, как справедливо заметила мать. Высокая, белесая, как и подавляющее большинство прибалток или скандинавок. Возможно, если бы они остались жить там, Света и не была бы таким фриком. Здесь же... Все было совсем иначе.

Прошла в коридор, достала записную книжку, которую уже практически ненавидела из-за переживаний, растревожавших ее душу, нарушивших привычный ход жизни... И снова открыла, перелистнув уже прочитанные страницы.

1 мая 1998

Более-менее оклемавшись, опять занялся поисками выхода. Мне нужно освободиться. Во что бы то ни стало. О том, что этот урод со мной сделал, стараюсь не думать. Я рос в приюте. На что там только не посмотрелся... Другое дело, что сам в роли жертвы никогда не выступал – научился защищаться. С моей смазливой мордой выжить можно было только защищаясь. Зубами и кулаками.

Моль устало потерла брови. Господи Боже... Дай ей сил. Налила в бокал коньяка. Вино как-то незаметно осело. Черт... Такими темпами она сопьется. Или не сможет оперировать.

5 мая 1998

Прошло почти две недели после его визита, а я ни на секунду не приблизился к цели. Выхода из этого чертового дома попросту нет. Охрана везде, как и камеры наблюдения. Не знаю, возможно, они даже в туалете?

8 июня 1998

Он приехал. Я бился, как лев, но... Меня связали и изнасиловали. На этот раз по всем правилам. Жестоко и не щадя.

– Никогда, никогда мне не отказывай, – шептал он на ухо, вбиваясь в меня и причиняя невыносимую боль. – Тебе понравится, маленький. Это так хорошо, если сделать все правильно. Сладкий мальчик... Красивый...

Даже месяц спустя его мерзкий голос звенит в моей голове.

11 июня 1998

Сегодня я был близок к побегу, как никогда. В доме вырубили электричество из-за грозы. Камеры не работали, а новенький охранник не закрыл заднюю дверь. Я уже знал о времени обхода территории, соответственно, знал и о том, когда лучше бежать. В три часа вышел за дверь, осмотрелся и тенью скользнул к забору. Я был на половине пути, когда услышал жуткое рычание. Медленно обернулся. Собаки! Оказывается, здесь были собаки... Терять мне было нечего. Забор и желанная свобода были так близки... Я побежал, ноги скользили по жирному от дождя чернозему, доберманы с лаем и рычанием кинулись за мной. Последнее, что я запомнил, перед тем, как отрубиться, было ощущение боли, когда их зубы сомкнулись на моих щиколотках.

Моль вздрогнула, отдергивая руку от блокнота. Перевернула так и нетронутый бокал с коньяком. Встала резко, не став ничего убирать. Быстро оделась и вышла за дверь. Ей нужно было все для себя прояснить. Раз и навсегда. Света не знала, зачем ей это знание, но больше не желала жить в неведении. Припарковалась возле отделения, поднялась на этаж, натянула халат и поспешила в реанимацию.

– Лен, я гляну своего последнего... – пояснила дежурному врачу и открыла заветную дверь.

Он спал. Прикроватный монитор фиксировал вполне обнадеживающие показатели. Света подошла еще на шаг и задрала простыню, оголяя красивые длинные мужские стопы. Она немного приподняла одну и развернула. Прикрыла глаза, сбитая с ног увиденным. Маленькие глубокие ямки... Застарелые шрамы, которые могли быть оставлены только... зубами.

Глава 4

Он очнулся. И снова увидел ее. Женщину в белом медицинском халате.

- Вы кто? - прошептал, собираясь с силами.

Женщина резко вскинула голову, отрываясь от своего занятия. Интересно, что она делала с его ногами? Ноги тоже пострадали? Он парализован?! Что, черт возьми, опять случилось?

- Тише, ты... Успокойся, - приказала женщина, переводя взгляд на монитор, который стал противно пищать. - С тобой все хорошо. Не волнуйся. Тебя сбила машина, но уже все в порядке. Я - врач.

Сбила машина? Его сбила машина?!

- Как это случилось? - выдавил из себя. Все тело противно ныло, но он чувствовал и руки, и ноги, что не могло не радовать. Он не знал, хочет ли жить, но сейчас, когда практически все виновные были наказаны, было бы обидно умереть. Не дождутся.

- Понятия не имею. Уточнишь в полиции. Как тебя зовут? Кому сообщить о случившемся?

- Никому, - прошептал мужчина, отключаясь. - Меня никто не ищет.

Ложь, конечно, искали, еще и как. Просто, вряд ли бы это делали в больницах. На вокзалах, аэропортах, где угодно, но только не в реанимации... Разве могло прийти Виктору в голову, что после всей его подготовки к побегу тот так нелепо

сорвется?! Как можно было столько всего пройти, выстрадать, выждать... А потом на ровном месте забуксовать. И ведь главное, из-за чего? Из-за того, что случайно попал под машину. Насмешка судьбы какая-то. И если он не вырвется из этого круга сейчас, то больше не будет шансов... Семнадцать лет ушло на то, чтобы подготовить пути к отступлению. Семнадцать гребаных лет в аду. Он ни за что не вернется в него снова. Лучше умереть.

Света выдохнула. Все произошедшее казалось каким-то кошмарным сном. Теперь у нее не было сомнений, что этот мальчик – автор дневника. Жертва... Шрамы на ногах были тому подтверждением. Кто с ним так поступил? И почему он уверен, что его никто не ищет? Проверила еще раз все показатели и вышла за дверь. Что ей теперь делать? Сделать вид, что ничего не знает? Ведь по факту... Ну, чем она могла помочь? Да, так и сделает. Она – врач. Он – пациент. Все остальное ее мало касается.

Моль села в свой автомобиль и покатила к дому. Сейчас выпьет пару таблеток успокоительного, ляжет спать. О чем думать, если все уже случилось... Ничем она ему не поможет, убеждала себя, паркуясь у дома. Открыла дверь в квартиру. В нос ударил резкий запах алкоголя. Ах да... она не вытерла разлитый коньяк. Прошла в гостиную, взяла тряпку, протерла стол и пол, на котором тоже образовалась коньячная лужица. Зыркнула на ненавистную записную книжку, которая так и валялась на столе. Серdito отбросила тряпку, вышла из комнаты. Вернулась спустя секунду, костеря себя, на чем свет стоит, но все-таки открыла блокнот.

15 июня 1998

Наказание за побег последовало незамедлительно. Едва раны на ногах немного затянулись, он привез меня в какое-то странное место. То ли клуб, то ли публичный дом. В общем, то место, в котором, имея деньги, можно было удовлетворить любые, даже самые темные желания. Тогда я с ужасом смотрел по сторонам...

Я поинтересовался, куда меня привезли.

– Нравится? – ухмыльнулся он. – Нет? Это то место, Аланчик, (этот придурок придумал мне новое имя, старое его, по-видимому, не устраивало), куда ты непременно попадешь, если будешь плохо себя вести. А чтобы ты понимал

разницу... между статусом моего фаворита и дырки, работающей здесь... сегодня ты будешь именно дыркой.

Усвоил ли я урок? Безусловно. После того, что со мной сделали в том месте, я стал невероятно понятливым. Повторить подобный опыт мне бы очень не хотелось. И без того геморрой лечил целый месяц.

31 декабря 1998

Этот урод снова явился. С тех пор, как мы определились с моей ролью, Виктор (так его зовут) все свободное время проводит со мной. Иногда мне кажется, что он помешался на мне. Особенно отчетливо это просматривается, когда дело доходило до постели. Он может часами со мной играть, нашептывая отвратительные грязные словечки на ухо. Он неутомим для своего возраста, и я ненавижу каждую минуту, проведенную с ним. А еще он маниакально настойчиво добивается моего отклика, и это большая проблема, потому что его действия и он сам меня абсолютно и совершенно не возбуждают. Я просто отключаюсь на все время его визита. Это не я. Это все Алан.

23 февраля 1999

Он явился отвратительно пьяный, в компании таких же поддатых друзей.

- Иди к папочке, маленький. Ну же, малыш... Давай, сделай мне хорошо.

В тот момент я воспротивился. Все во мне встало на дыбы от одной только идеи секса на глазах у посторонних людей. Я знал, что понесу наказание, но и добровольно согласиться на это не мог. Он разозлился. Очень... Ударил меня по лицу наотмашь, а потом последовал ад... Их трое, разгоряченных, не знающих ни в чем отказа мужиков, и я... Наверное, я сломался тогда. Потому что в какой-то момент сдался и перестал бороться. Я не хотел боли. Лучше так... добровольно. Возможно, удастся избежать серьезных повреждений.

Именно тогда, перекрывая боль и все другие ощущения, во мне возникла новая сумасшедшая потребность - потребность мести.

2 июня 1999

Я больше не противлюсь никому и ничему. Даже когда он подкладывает меня под своих дружков с целью выведать какие-то секреты или снять компромат. Я послушно делаю то, что мне велят.

Недавно своим безупречным поведением я заслужил право выходить из дома. Недалеко – в сад, но даже эта уступка поистине грандиозной. А еще мне подарили чудо из чудес – компьютер, и я теперь могу вернуться к учебе. Быть хорошим мальчиком – не так уж и плохо.

3 мая 2000

Он опять трахал меня с дружками. Но в этот раз его жестокость была мне только на руку. За два года я сумел стать его наваждением. Он окончательно свихнулся на мне, а это давало неплохое преимущество. Я научился им манипулировать. Нечасто, иначе бы он все понял... И вот теперь, надув губы, я делал вид, что очень обижен.

– Ну, прости меня, маленький. Ну что мне сделать, чтобы ты меня простил? – шептал он, поглаживая меня между ног.

– Я хочу пойти учиться. Мне надоело сидеть в четырех стенах.

– Зачем тебе это, Аланчик? Ну, что за глупости...

– Я бы мог жить в городе, поближе к тебе... Мы бы сняли квартиру, и тебе бы не пришлось каждый раз ездить ко мне за сотню километров... Я же никуда не собираюсь убегать, Витя...

Он задумался. Расстегнул ширинку, извлекая плоть:

– Покажи папочке, какой ты хороший, послушный мальчик, и я обещаю подумать...

Света закрыла блокнот и встала из-за стола. Сил продолжать чтение не было. Ее переполняли боль и ненависть, и еще миллиарды других эмоций, которые ей нужно было взять под контроль. До подъёма оставалось каких-то три часа, а завтра – суточное дежурство...

Впервые за долгие годы она нарушила привычный утренний ритуал, и не позавтракала. Даже с постели встала с трудом, преодолевая непонятно откуда взявшуюся лень. На работу идти не хотелось совершенно. Но с другой стороны, Свете очень хотелось увидеть мужчину. Убедиться, что с ним все в порядке. Он, как никто другой, заслужил нормальную жизнь. Полноценную жизнь здорового человека. И если изменить прошлое женщине было не под силу, то вернуть ему здоровье она вполне могла. Нужно сосредоточиться на этом.

После обхода и небольшой планерки у главного врача, Света поймала Савельева и ненавязчиво так поинтересовалась состоянием безымянного (Аланом называть мужчину у нее язык не поворачивался).

- Да бодряком он, Свет. Что с ним будет? Я его сегодня тебе верну, нечего у меня койку понапрасну занимать.

- Давай. У меня как раз освободилось местечко во второй. Как думаешь, уже можно переходить на зондовое питание?

- Почему нет? Трое суток прошло.

Света кивнула и поспешила к себе. На одиннадцать была назначена плановая операция.

Остаток дня прошел в штатном режиме, что не могло не радовать. Пациенты, озабоченные родные, кишки и кровяца... М-да. Ближе к вечеру немного освободилась.

- Тань, а нашего безымянного спустили из реанимации?

- Еще в обед, Светлана Юриевна. Вячеслав Георгиевич под вашу ответственность сбаврил.

Света кивнула и неторопливо вошла в палату. Эта была трехместной, для тяжелых. К ней же примыкал небольшой туалет. Койка безымянного находилась возле окна, Света тихонько подошла поближе. Будто бы почувствовав ее приближение, пациент открыл глаза.

- Ну, как вы?

- Жить буду.

- Да уж постарайтесь, пожалуйста, - прошептала Моль, прикасаясь ладонью ко лбу.

- Когда меня выпишут?

- Выпишут? - изумилась Света. - Не скоро. У вас очень тяжелая травма печени. Еле собрала...

- Меня оперировали вы?

- Угу... - протянула Моль и деловито продолжила: - Сегодня попробуем перевести тебя на энтеральное питание.

- Это как? - явно концентрируясь из последних сил, просипел мужчина.

- Питание через зонд. При таких повреждениях, как у тебя, нарушается нормальное функционирование тонкой кишки, реабилитация которой занимает в среднем семь - десять дней. А питание через зонд способствует адаптации органов желудочно-кишечного тракта к пищевым нагрузкам.

- Я хочу, чтобы меня выписали.

- Обязательно, когда вы поправитесь.

- Я хочу, чтобы меня выписали немедленно.

Света разозлилась:

- Ваше право. Но если это случится, вы, сударь, сдохнете через пару часов. Ну, как перспективка? Выписку оформлять?

- А ты милашка, - уже засыпая, прошептал красавчик.

– Да уж, какая есть.

Света вышла из палаты, дала указания подчиненным и побрела к себе в кабинет. Может быть, удастся немного поспать...

Глава 5

– Светлана Юриевна...

– А? Что? – Света подхватилась с дивана, на котором недавно задремала.

– Там этот наш, безымянный, от зонда отказывается. Не в себе он, всех девочек разогнал.

Девочками, по всей видимости, были пятидесятилетняя Татьяна Леонтьевна и семидесятилетняя Спиридоновна – дежурящие на этаже медсестра и санитарка. Света села на диване, потирая устало глаза. Вот же... Гад.

– Что здесь происходит? – сердито поинтересовалась Моль, заходя в палату.

– Вот... Светланочка Юриевна, ничего этот ирод не хочет! Отказывается... И никаких объяснений не слушает! – пожаловалась медсестра.

Света кивнула:

– Подогрейте заново. Я сама все сделаю.

Дождавшись, пока посторонние выйдут, Света резко повернулась к мужчине:

– Послушай, мальчик... Потому что я не стану повторять. Ты едва не умер у меня на столе. Твое сердце остановилось. И если ты хочешь выжить, ты будешь выполнять все мои назначения, я достаточно доступно объясняю?

Пациент устало прикрыл глаза.

– Вот и хорошо. Потерпишь несколько дней.

Света установила зонд и вышла из палаты. Вот что с ним делать? Она не могла не думать о том, что даже после выписки безымянному понадобятся уход, диета... Смогут ли ему обеспечить все это? Станет ли он сам придерживаться предписаний? Будет ли у него такая возможность?

До окончания дежурства оставалось два часа. Потом обход и консилиум... Света не стала снова ложиться, прочитала пару статей, до которых никак не доходили руки, заварила чай. И снова достала злосчастный блокнот.

1 сентября 2000

Я добился своего. Он перевез меня в город и разрешил учиться. Я – первокурсник!

20 ноября 2000

Справедливость восторжествовала. Первый виновный понес наказание. Пока моих сил хватило только на Горыныча. Как же занятно было наблюдать за судилищем над этим червяком... Это было легко. Несовершеннолетняя девка, на которых директор приюта всегда был падок, вовремя появившаяся полиция, ну и скандальный суд... Его закрыли всего на шесть лет. Не очень много, но вполне достаточно – там такие долго не живут. Мсть сладка.

Света закрыла записную книжку, подошла к окну... Кто он? Кто этот мальчик-мужчина, которого она спасла? Жертва... Или палач? Возможно ли, что она спасла чудовище? И чудовище ли он, учитывая все, что с ним произошло?

Включила планшет. Найти в интернете сведения шестнадцатилетней давности не составило труда. Уж больно большой скандал тогда поднялся. Директора детского дома взяли на месте совершения преступления. Широкий общественный резонанс, обсуждение в новостях и новомодных ток-шоу. Горынин Николай Петрович. Вполне себе подходящая фамилия под кличку «Горыныч». Все сходится. Неизвестно, зачем, Света переписала адрес того самого детского

дома. Кстати, он находился совсем недалеко...

– Светлана Юриевна, ну что, глянете моего?! – заглянул в кабинет Прилепин. Один из немногих хирургов, которые никак не прокомментировали назначение Моли на должность. Еще вчера он попросил посмотреть кого-то из своих родственников.

– Ой, Толь, привет. Совсем забегалась. Пойдем, пока обход не начался.

Работа закрутила, как всегда. Уйти вовремя тоже не получилось. Только после трех, уставшая, но довольная, Света села в машину. Завела мотор, выехала на дорогу, а минут через десять поняла, что едет в противоположном от дома направлении. Обреченно закусил костяшки пальцев и, уже не сопротивляясь, покатила к старому детскому дому.

Остановилась у серого унылого здания, поднялась по скользким ступеням, пошатнулась на последней, и была подхвачена дородной теткой.

– Здравствуйте, Светлана Юриевна. А вы здесь какими судьбами?

– Здравствуйте, – несколько растерянно ответила Света. Она понятия не имела, откуда этой женщине известно ее имя.

– Не помните меня, да? Римма Романовна меня зовут. Вы мне сына собрали после аварии два года назад. Мишенька Князев. Не припоминаете? Да вы заходите, заходите, милая... Что ж стоять на таком морозе?

Мороз, и правда, крепчал. Февраль, как ни как. Да и Мишеньку Князева Света с трудом, но припомнила. Мишенька был двухметровым упитанным двадцатипятилетним парнем. Борцом и весельчаком. Такого забыть даже ей не под силу.

– Ну, так какими судьбами? – переспросила женщина.

– Я ищу одного человека. Он был воспитанником этого учреждения семнадцать лет назад. Потом его взяли под опеку.

Все веселье слетело с лица Риммы Романовны, и она задумчиво протянула:

- Вы же понимаете, что мы не имеем права распространять подобные сведения.

- Да, конечно... - неловко переступила с ноги на ногу Света. Чем она вообще думала, когда приехала сюда?

- Ладно... Как зовут вашего потеряшку? Посмотрим, что можно сделать... Давно дело было...

- Мне не известно имя этого мужчины, - покачала головой Света. - Знаю только, что ему было пятнадцать лет в 1998 году. И в этом же году над ним была установлена опека.

- Как же вы собираетесь его найти? - изумилась женщина.

- Возможно, это можно сделать по имеющимся данным? Ведь не так много детей забирают в таком возрасте ...

- Ну, хорошо, давайте посмотрим, - неуверенно пожала плечами женщина. - Лет десять назад нас заставили создать электронный архив. Плевались все... Столько времени на это убили... Какой год, говорите?

- Девяносто восьмой. Возможно, я сумею узнать его... Там случайно нет фотографий?

Через пятнадцать минут Света нашла то, что искала. Его глаза нисколько не поменялись за минувшие годы. Когда она увидела это маленькое черно-белое фото три на четыре, у нее не возникло никаких сомнений в том, что это он. Ее безымянный. Впрочем, уже даже не безымянный. Василий Иванович Кравец - назывался файл.

- Странные дела делаются, Светлана Юриевна.

- Что, простите? - Света настолько зависла на документах, приложенных к файлу, что совсем не уловила слов женщины.

- Этого мальчика ищите не вы одна.

- Да? А кто еще? - нахмурилась Света.

- Вчера сюда приходили люди из Интерпола. Как думаете, что этот мальчик натворил, если им такие службы заинтересовались?

- Понятия не имею, - прошептала Света. - Понятия не имею... - повторила она.

- Вам нехорошо, Светлана Юриевна? - хлопотала женщина. - Может, воды? Или чайку?

- Нет, Римма Романовна. Я после суточного дежурства. Устала очень. Поеду домой.

- Не бережете вы себя, Светлана Юриевна, - покачала сокрушенно головой женщина. - И знаете, я не буду болтать, если тут опять кто-нибудь появится. Не беспокойтесь, о вашем визите никто посторонний не узнает.

- Спасибо, - благодарно кивнула головой Моль. - Как-то не хочется принимать участие в чьих-то разборках.

- Можете на меня рассчитывать. Спасибо вам еще раз за сына.

Света вышла из здания и вдохнула сырой морозный воздух. Подошла к машине, закурила. Руки стыли на холоде, но женщина этого не замечала. Во что она ввязалась? Мозг судорожно анализировал всю полученную информацию. Сигарета обожгла пальцы. Света зашипела, роняя бычок. Домой... Нужно ехать домой и дочитать тот злосчастный блокнот. Возможно, все прояснится, и она, наконец, поймет, как ей действовать дальше. Остаться в стороне уже не получится, как бы ей ни хотелось. На автомате заехала в супермаркет, купила молоко, фрукты, йогурты. Кофе... У нее закончился кофе.

14 февраля 2001

Сегодня на вечеринке в честь дня святого Валентина перепихнулся с Танькой Ромахиной. Прикольная девчонка. Я бы с такой начал встречаться. Только как ей

объяснить, что меня время от времени трахает престарелый мужик и еще парочка его друзей?

20 февраля 2001

Таня пропала. Ее ищут все.

23 февраля 2001

Таню убили. Ее убили из-за меня. Виктор наглядно продемонстрировал, что будет со всеми, кто ко мне приблизится. Он был очень убедительным. Убить молодую девушку только за то, что мы переспали. Даже после всего, что он со мной сделал за эти годы, я не был готов к такому. Я не осознавал, каким чудовищем он был.

Света закрыла глаза. Тошнота вернулась. Она встала из-за стола, распахнула окно. Свежий воздух несколько отрезвил. Приготовила кофе, влила туда добрую порцию коньяка, снова закурила.

8 марта 2005

В этом году я заканчиваю университет. Моя специализация – математическая кибернетика. Он до сих пор недоумевает, зачем мне это нужно. Конечно же, для того, чтобы отомстить. Это мое единственное желание. То, что еще держит меня на плаву. То, что не дает свихнуться. Мои знания пригодятся мне в будущем. Тогда, когда я буду достаточно силен для того, чтобы выступить против.

А еще за это время я стал кем-то вроде папочки в клубе Виктора. В клубе, где можно получить все – от дозы качественного кокаина до девочки или мальчика на любой вкус. Виктору нравятся молоденькие мальчики. В свои двадцать два я уже не удовлетворяю этой его потребности... Нет, меня он не отпустил, я теперь кто-то вроде проститутки высшего эшелона. Подстилки, которая может быть полезной. Теперь в моей постели все чаще бывают женщины. Влиятельные дамы или жены интересных Виктору мужчин. Я – марионетка в руках кукловода, однако, вместе с этим я получаю доступ к информации такого порядка, что порой становилось даже страшно. Медленно, но верно я готовлю пути к отступлению.

Дальше дневник обрывался. Последняя запись в блокноте датировалась 2008 годом.

31 декабря 2008

Постепенно я приближаюсь к своей цели. Сегодня еще один виновный понес наказание. Друг Виктора, с которым они меня изнасиловали в тот, самый первый раз. Здесь все было легко. Сторчавшийся урод все равно долго бы не протянул. Я просто помог ему. Небольшая передозировка, – и вуаля. Он захлебнулся собственной блевотиной. Собаке – собачья смерть. Жаль только, что к еще одному участнику той оргии я не могу так просто подобраться. Как и к Виктору, который становится все более и более влиятельным. Но я буду стараться. Когда-нибудь мой час настанет.

Глава 6

Даже мощная вытяжка не справлялась с сигаретным дымом. Завязать с никотином не получилось. Под сигарету как-то лучше думалось. Да и руки было чем занять. Перед глазами всплыли сухие факты из характеристики Василя. Менее подходящее имя для мужчины сложно было представить. Кто его так назвал? Вряд ли родители... Света подошла к окну, провела по нему пальцами, оставляя разводы, и слепо уставилась вдаль.

В характеристике из приюта мальчик характеризовался как склонный к побегу, неустойчивый, не признающий авторитетов ребенок. Однако при этом отмечался его высокий уровень интеллектуального развития и способности к обучению. Сухие факты, которые, в принципе, подтверждались дневником. Соответственно, тот, кто планировал взять под опеку ребенка, не мог о них не знать. А значит, мальчика изначально забрали не по доброте душевной. Ну серьезно, кто захочет себе сына с таким послужным списком? К четырнадцати годам у него было двенадцать приводов в милицию. Вряд ли бы такой ребенок стал чьей-то голубой мечтой. Очевидно, что мальчика забрали совсем из других соображений. И тут вставал другой вопрос... Был ли это единичный случай? Или же все было гораздо печальнее? Вот как о нем узнал тот же насильник? Ездил по детским домам и проводил кастинг? Ведь чтобы захотеть конкретно этого ребенка (Господи, даже думать об этом противно), нужно было его где-то

увидеть. Разглядеть красоту... Это было случайно? Увидел, захотел, получил? Или же Василия нашли именно потому, что искали? Не его... Любого красивого беззащитного мальчика для нужд вот таких вот... тварей? Не было ли это поставлено на поток? Девяностые... Произвол... Могло случиться все, что угодно.

И еще один важный факт: имя опекуна. Разумовский Виталий Станиславович. В этом месте дневник Василия не вязался с официальными данными. Он называл своего насильника Виктором. Хотя... Вряд ли бы какая-нибудь шишка оформляла опекунство на себя. Был ли этот Разумовский прикрытием для более влиятельного человека? И знал ли этот «он», на что обрекает ребенка? Отомстил ли ему Василий?

Света оторвала взгляд от окна и потерла виски. Часы на духовом шкафу показывали второй час ночи. В шесть ей вставать. Нужно поспать. Четыре часа лучше, чем ничего. Две таблетки успокоительного, и она отключается.

Будильник, душ, овсянка... В качестве музыкального сопровождения – Вагнер. Эти немцы знали толк в музыке... Джинсы и черный свитер. Сегодня не намечалось никаких тусовок у высокого руководства, поэтому кэжуал – наше все. Света замерла у зеркала, поправляя ирокез. Что ее ждет сегодня? С некоторых пор ее устоявшаяся размеренная жизнь стала совершенно непредсказуемой. И ей это абсолютно и совершенно не нравилось. Ни один врач не любит сюрпризов. Ну, разве что такой извращенец, как она... Моль порой любила бросить вызов науке, или поломать голову над какой-то невыполнимой задачей. Она любила риск, любила борьбу, любила нестандартные ситуации, когда ее мозг работал на грани возможностей, любила феерическое чувство победы, когда вытаскивала тех, на кого другой врач махнул бы рукой. Но гораздо спокойнее было, когда все шло по заранее продуманному плану.

Света накинула пальто, поправила обувь в шкафу, сгребла с полки ключи от машины и вышла из дома. Не успела дойти до кабинета, как ей навстречу выскочил дежурный врач.

– Светлана Юриевна... Тут к нам из полиции опять нагрянули. По поводу нашего безымянного. Хотят его допросить, а я не знаю... Пускать, нет?

– Пригласите их ко мне, – она насторожилась, впрочем, никак не выказывая своего состояния.

- Его...

- Простите?

- Его. Он один. Капитан... Забыл, как зовут. То ли Кучкин, то ли Ручкин.

- Ну, значит, пригласите мне этого Кучкина-Ручкина. Глядишь, до обхода успеем, - пробормотала Света, поглядывая на часы. - Как ночь?

- Без происшествий. Зашили голову одному пьянчуге, да и все, пожалуй.

- Зачем принимали с такой травмой? Мы им что, травмпункт? - изумилась Моль.

- Вы это, Светлана Юриевна, в приемном покое уточните. Второй раз на моей памяти такое непотребство.

- Ладно, Михаил Борисович, разберемся. Главное, что тяжелые все идут на поправку. Туфу-тьфу, чтоб не сглазить.

Михаил Борисович кивнул и постучал по дверному косяку, для пущей надежности.

Света даже не успела переодеться, как в дверь кабинета постучали.

- Здравствуйте. Мне бы с заведующей поговорить, - отрапортовал смешной рыжий парень. Кучкин, что ли?

- Это я. Ильвес Светлана Юриевна. Вы по поводу нашего безымянного, насколько я понимаю...

- Совершенно верно. Мне бы допросить гражданина... Расследование в полном разгаре.

- По какому поводу допросить?

- Ну, так он же пострадавший... Мы, вот, расследование ведем. Следственные действия проводим. В той аварии четыре человека пострадало. Один погиб. Нужно привлечь виновного к ответственности.

Да, Света была в курсе, что Василий пострадал не один. Машина въехала в толпу людей, ожидающих сигнала светофора между двумя полосами оживленной дороги. Помимо мужчины к ним было доставлено еще три женщины, которыми занимались другие врачи. Она, как всегда, взялась за самого безнадёжного.

- Опросить пациента сейчас не представляется возможным. Он совсем плох. Только вчера парня перевели из реанимации, и то, только потому, что она переполнена.

- Но как же... - растерялся страж правопорядка.

- Вы можете опросить целую кучу народа. Сдался вам этот мальчик! К тому же, у него явная травматическая амнезия. Он и имени своего вспомнить не в силах, не говоря уже о фактах происшествия.

- Тогда нам нужно установить его личность... - почесал в затылке рыжик.

- Вот и устанавливайте. Мне тоже его личность - о, как важна! - радостно кивнула Света, широко расставляя руки. - Знаете, сколько он уже задолжал за лечение? Лекарства нынче дорогие, а мы даже не в курсе, кому предъявлять счет!

Улыбка полицейского несколько потускнела. Ага, дружок, а ты как думал? Придется попотеть...

- Тогда мне нужны какие-нибудь приметы... Описание внешности...

Света закусила губу. А вот этого не надо! Мало ли кто ищет Василия... Она не знала, как к нему относиться, но была точно уверена, что ему не стоит возвращаться в руки насильника. Если, конечно, его все еще ищут.

- С приметамы - это всегда пожалуйста! Что вас интересует?

– Ну... Рост, цвет глаз, волос... Я пробью по базе, может быть, кого-то ищут родственники, и указанные данные помогут нам идентифицировать парня...

– Отлично. Рост... ну, не знаю... Сантиметров сто восемьдесят... Глаза, вроде, светло-карие, волосы – темно-русые, – Света врала напропалую. Глаза у него абсолютно черные, как и шевелюра. Роста мальчик тоже был далеко не маленького. Если соотнести размер койки и его самого, то не меньше метра девяноста. Но разве кто-то сможет доказать, что она намеренно врала? Тем более, когда на голове больного повязка, а глаза и вовсе закрыты большую часть дня. – Что еще? – уточнила женщина.

– Какого он приблизительно возраста, можете сказать?

– Навскидку лет двадцать-двадцать пять. Молоденький совсем. – Тут она практически не врала. Василий выглядел очень молодо.

– Я точно не могу побеседовать с больным?

– Что вы... Он большую часть времени проводит в беспмятстве. У него же печень в хлам разорвало. А еще закрытая черепно-мозговая, проткнутое сломанным ребром легкое...

– Ладно-ладно, – позеленел рыжик, полностью оправдывая надежды Светы. Ну какому мужику захочется обсуждать такое?

Света бросила взгляд на часы:

– Вы простите, пожалуйста, но у меня через две минуты начнется обход, и если я не успею переодеться...

– Без проблем. Я уже все выяснил, – как болванчик, закивал головой полицейский. Кучкин или Ручкин? Моль так и не выяснила. – Подпишите ваши показания, пожалуйста.

Она взяла лист бумаги, исписанный довольно приличным мелким мужским почерком. Парень достаточно грамотно все изложил. И даже не сделал ошибок, что вообще удивительно.

– Если все верно, напишите ниже: «С моих слов записано верно, и мною прочитано», поставьте число, подпись и расшифровку.

Света послушно выполнила указание и подняла на парня взгляд:

– Я могу быть свободна?

– Да, конечно, – рыжик подхватился со своего места, поспешно сложил вещи в потрепанный портфель и был таков.

Света выдохнула, откинувшись в кресле. Что будет дальше, если уже сейчас она дает ложные показания? Куда заведет ее эта история? Существуют ли шансы выпутаться из нее без потерь? У нее, вообще-то, отпуск со следующего понедельника, который она обещала провести с отцом. У Светы уже и билеты были куплены в любимый Таллин. А как быть теперь? Выписать Василия к этому времени она не сможет... Оставить в больнице – тоже. Лейтенант Кучкин мог нагрянуть в любой момент, и она не думает, что Василий хотел бы светиться в сводках полиции. Господи... Как же быть?

– Светлана Юриевна, нам вас ждать? – заглянул в кабинет Хвостиков. – Все уже собрались.

Черт! Сегодня она, пожалуй, впервые опоздала на обход. Приехали.

– Иду, Виктор Петрович.

Света быстро натянула халат, переобулась в мягкие кожаные тапочки и заправила волосы под веселый колпак с костями и черепами – шуточный подарок Славки.

Обход занял около часа. Света быстро просматривала карты, обсуждала, уточняла необходимость тех или иных предписаний, что-то отменяла, что-то добавляла в листах назначений. И даже осматривала пациентов, темпы выздоровления которых ее недостаточно удовлетворяли. Нет, она, конечно, могла всего этого не делать... Многие заведующие не заморачивались такими деталями. Она же... Привыкла все держать под контролем.

Последняя палата – палата тяжелых. Два других пациента и Василий, отвернувшийся к окну и закрывший глаза. Света осматривала его последним. Пальпировала, проверила шов... Все хорошо. Если удастся избежать воспаления легких и других осложнений, будет вообще прекрасно. Он так и не повернул к ней лицо, а она не стала разговаривать с ним в присутствии посторонних. Для всех остальных он – обычный пациент.

Глава 7

Время до конца недели пролетело быстро. Она и оглянуться не успела, как наступила пятница. Последний рабочий день перед долгожданным, тысячу раз переносимым отпуском. Но даже сейчас Света не была уверена, что улетит. Сможет ли, наплевав на все, бросить Василия? Его история не выходила из головы. Порою ей казалось, что каждое скупое слово Васиного дневника запечатлелось уродливыми шрамами в ее душе. И не было покоя. Понимания, как дальше жить, тоже не было.

Она как раз заканчивала осмотр Василия, когда в палату вбежал взмыленный Славка:

– Светка, тут такие дела делаются! В общем, главврач попросил предупредить, что ему из кабинета звонили... К одиннадцати сюда прибудет делегация во главе с премьером, оборудование на баланс передавать. Ну, как обычно, камеры, журналисты и эти морды сытые, которые опять будут пиариться за наш счет! Так что вы тут марафет по-быстрому наведите. И не забудь, что ты мне кино задолжала! А то улетишь на свою историческую родину, и поминай, как звали. Все... Убегаю, один гемор с этими визитерами...

Славка исчез так же быстро, как и появился, и Света, проклиная все на свете, отвернулась к тумбочке, делая очередную запись в карте. А потом вдруг ее как будто потоком подхватило, и что-то острое уперлось в бок:

– Быстро выводи меня отсюда, – прохрипел Василий. – Ну же, немедленно. Или я прикончу тебя... Шевелись.

Света не испугалась... Нет. Разозлилась скорее...

- Ну, выведу, а дальше что? В коридорах камеры, ты в одном исподнем. Что будешь на улице делать в десятиградусный мороз?

За спиной слышались грязные ругательства. Но Свету таким было не удивить. Она о другом думала... О том, почему именно сейчас Василий слетел с катушек. Что стало тому виной, и как ей себя вести?

- Выводи, я тебе сказал! - Острие больно ткнулось в бок.

- Послушай, - взволнованно прошептала женщина, облизывая пересохшие губы. - Тебе не дадут уйти. В коридоре люди, камеры... Так нельзя.

Хватка немного ослабла. Ну не мог человек в таком состоянии долго держаться только за счет адреналина. Моль сразу воспользовалась мужской слабостью и, повернув неплохой прием, вернула того обратно на кровать:

- Не смей! Слышишь? - прошипела она. - Не смей мне угрожать! Если я тебе помогу, то только потому, что мне дико... До безумия просто жаль мальчика Васю. Я не знаю, кто ты теперь... Во что превратила тебя жизнь... И почему тебе сейчас так приспичило валить... Но я помогу, - решила она, судорожно соображая, как быть.

Казалось, Василий впал в шок, его трясло и подкидывало. Как же хорошо, что остальных мужиков перевели в общие палаты. Неизвестно, чем бы тогда все закончилось.

- Вася, ты слышишь меня? Ну же...

- Он меня найдет... - шептал мужчина в беспомощности. - Он меня найдет, если я не уйду прямо сейчас.

Света не понимала, о чем он вообще? Кто найдет? Почему именно сейчас? А потом в голове как будто что-то щелкнуло... Василий слетел с катушек после сообщения Славки о скорых визитерах... Возможно ли, что среди них мог быть палач?

– Подожди... Тот человек... Из твоего дневника... Он... Может быть в делегации?

Вой в стенку подтвердил догадки женщины. Света крепко задумалась. Как ему помочь? Что вообще делать?

– Послушай меня! – решила она. – Василий! Послушай, пожалуйста... Он не войдет в эту дверь. Я обещаю, что не войдет. Ты мне веришь?!

Никакого ответа. Его просто безостановочно трясло.

– Возьми себя в руки и послушай меня! – рявкнула она.

Сквозь вязкое болото панической атаки в его мозг пробились слова... Сказанные женщиной. Врачом, который его спас. Василий вдохнул раз, другой, заглушая ужас. Сосредоточился на этом твердом, немного хриплом голосе.

– Мы сейчас никуда не пойдём. Это привлечет кучу внимания. Лежи, набирайся сил и не высовывайся. В эту палату никто не войдет. Даю слово. Я закончу дежурство, принесу тебе одежду, и ты уйдешь вечером, никем не замеченный. Я даже подвезу тебя, куда скажешь. Просто верь мне.

Он сглотнул, ужас сковывал все внутри. Нет, он не боялся Виктора. Не боялся последствий своего побега. Его до ужаса пугала мысль, что он не справится с мстостью. Не доведет ее до конца. Ни самого себя, ни свою жизнь он уже давно ни во что не ставил. Василий не доверял никому и никогда. Эта женщина... Светлана... Она требовала невозможного. А еще она узнала его тайны. Идея вести дневник была абсолютно дурацкой. Даже пятнадцатилетним он это прекрасно понимал. Но прекратить писать попросту не мог. Боялся забыть то, из-за чего все пошло псу под хвост. Память ненадежна. Каждый раз, когда у него появлялось желание прогнуться и жить довольно сытой жизнью, он перечитывал корявые строки. Вспоминал того мальчика, которым был. Хорошего, умного мальчика, которого лишили выбора, изнасиловали и растоптали в угоду прихоти. И желание сдаться мгновенно исчезало. Появлялись силы для борьбы. Тайной, кропотливой, опасной... Себя спасти было поздно. Василий уже давно ходил с трупом внутри. Его внутренний мир покончил жизнь самоубийством еще лет десять назад. Но он мог спасти других детей. Дать им тот шанс, которого лишили его самого.

– Ну так что? Полежишь тихонько до вечера?

Василий прикрыл глаза, соглашаясь.

– Вот и ладно. Вот и хорошо. Не бойся. Кем бы этот человек ни был, он тебя не увидит. Обещаю...

Света выскользнула за дверь, а потом и вовсе закрыла палату на замок. А дальше ее закрутила работа. Как правильно выразился Славка, любое посещение учреждения «высокими» гостями ничем хорошим, как правило, не оборачивалось. Совершенно лишние, пустые хлопоты, которые только отвлекали персонал. Гости задержались на полтора часа, и когда, наконец, явились, Света едва зубами не скрипела от злости. Довольный главврач соловьем разливался, развлекая постороннюю публику, а Моль сканировала каждого взглядом. Кто из них Виктор? Премьер, само собой... Но верить в то, что человек, занимающий настолько высокий пост в их стране, педофил и убийца, как-то не хотелось. Министра здравоохранения Света неплохо знала, – это была женщина. Поэтому круг подозреваемых сужался. Еще три каких-то замминистра, не считая охраны. Так-так... Александр Павлович, Игорь Васильевич, а это кто? Иван Иванович. Миленко. Все-таки премьер? Руки сжались в кулаки. Челюсти свело от напряжения. Света едва сдерживала себя от того, чтобы не вцепиться в глотку твари.

– Светлана Юриевна, – сквозь пелену бешенства донесся еле слышимый голос главврача. – Не правда ли шикарные, а главное – нужные подарки?

– Еще бы. Десять лет их ждем, – не смогла не поддеть Света.

Главврач сделал «страшные» глаза и затараторил что-то еще, сглаживая неловкость. Присутствующий тут же Славка незаметно подмигнул и показал большой палец, выражая полную поддержку. Милый... хороший... Славка.

К окончанию визита у Светы скулы свело от неестественной улыбки. Она закрылась в своем кабинете и закурила. Моль, конечно, догадывалась, что жизнь – хе*овая штука, но чтоб настолько... Что делать? Как ей быть? Стряхивая пепел, нечаянно столкнула с подоконника сумку. На пол посыпались помада, антисептик, любимые духи... И злосчастный блокнот... Чтоб его! – тоже выпал, и теперь лежал, раскрытый, на полу.

За бетонной стеной на планете чужой

Я ползу, словно раненый зверь.

У меня нет лица. У стены нет конца.

Есть ключи, но вряд ли есть дверь.

Можно громко кричать. Можно в стену стучать.

Можно волосы рвать. Ну и что?

Беспощадный бетон не услышит мой стон.

И кровавый мой след не прочтет.

Это сон или бред? Кто мне скажет ответ?

Я устал на ощупь ползти.

Кем мне дан этот путь? Да и в чем его суть,

Если нету конца у пути...

Света вдохнула... Раз, другой... Когда-то давно она пыталась ходить на йогу. Да только с таким графиком разве походишь? С йогой не вышло, а вот основные приемы дыхания почему-то вспомнились... Очень кстати.

От бычка сигареты прикурила новую. Дрожащими руками собрала вещи в сумку, туда же отправила блокнот. Взглянула на время. До окончания рабочего дня три часа. Как их пережить? То, что она поможет Василию, уже даже не обсуждалось. План отхода полностью сформировался в голове еще на середине стихотворения... В Таллин она, похоже, тоже не поедет. Нужно предупредить отца. Он расстроится... А еще нужно хоть как-то успокоиться, только как это сделать, если его стихотворение разорвало душу на куски? Совпало с ее чувственным восприятием жизни настолько, что страшно становилось... На кончик сигареты что-то капнуло, и та громко зашипела. Света растерянно провела по щекам. Слезы... Сколько лет она не плакала? Даже страшно вспомнить...

Тишину разорвал телефонный звонок:

- Светочка, милая... Ну что, ты отработала? Когда ждать-то тебя, трудоголик?

- Папа... - прошептала Моль, опуская голову на лежащие на столе руки.

- Папа, кто ж еще? - засмеялся Юри. - Ты же мне так и не сообщила номер рейса. Думаю, дай-ка позвоню...

- Папулечка, я не прилечу, к сожалению.

На том конце воцарилось молчание:

- Опять потеряла кого-то? То-то мне твой голос с самого начала не понравился.

- Нет-нет... Не потеряла... Просто дела срочные появились. Никакой возможности нет отложить. Ты прости меня, родной. Не ахти из меня дочка...

- Ты мне это брось, Светлана! - возмутился родитель. - Дочка у меня самая лучшая из всех возможных. Художник! Мэтр!

- Ну, начинается, - она немного повеселела.

- А что? Коллекция по твоим эскизам знаешь, каким успехом пользуется? Я тебе процентики исправно перечисляю. Видела?

- Процентики - это хорошо, - улыбнулась Света. - Деньги мне никогда не помешают.

- Так чего тогда от моей помощи отказываешься? - в который раз возмутился отец. - Все равно после смерти все тебе достанется.

- Даже и не говори мне об этом, папа. Проценты - это другое. Их я, можно сказать, своим трудом зарабатываю. Хотя, что это за труд - рисование?

Художественный талант Света открыла в себе лет в десять. Только до этого никому дела не было. Мать ею вообще не интересовалась, а когда удавалось поговорить с отцом (международные звонки в советском союзе были тем еще

удовольствием), они всегда находили более интересные темы для разговоров. Так что об увлечении дочери Юри узнал, когда ей было лет двадцать пять. Света гостила у него в Таллине и оставила свой альбом с набросками на столе. Отец увидел – и влюбился! Стоит ли говорить, что вдохновленная ювелирными работами отца, Света весь отпуск рисовала эскизы украшений? Кольца, кулоны, колье...

– Света... Милая... Это же... Это же... изумительно! – отец дрожащими руками перебирал наброски, и просто светился от счастья. – Ты же разрешишь мне их воссоздать?

Света, конечно же, разрешила. И с тех пор, вот уже десяток лет, Юрий талантливо воплощает в жизнь идеи дочери.

– Ладно, папуль, я в роуминге, так что особо не поговоришь... Я тебе в скайп постучусь на днях. Старайся быть на связи.

Тепло попрощавшись с отцом, Света умылась, достала из закровов свой старый медицинский костюм, тапочки (размер-то у нее – о-го-го, любому мужику подойдет). Теплый халат, в таких санитарки обычно выскальзывают на улицу покурить, и который без надобности пылился у нее в шкафу. Колпаки у Моли были достаточно приметные, поэтому тут нужно что-то попроще. Достала одноразовую медицинскую шапочку, маску... В таком виде Василия мать родная не узнает! Хотя, она его и так не узнает! Кукушка! Света аккуратно сложила все добро в пакет и вошла в палату Василия. Он беспокойно спал.

– Василий... Просыпайся, и слушай меня.

Мужчина открыл мутные со сна глаза.

– Здесь одежда. Вставай, помогу одеться.

Одевая мужчину, продолжила:

– Через два часа накинешь халат... Вот он, в пакете. Тапочки... Не забудь шапочку на голову и маску. И ровно в пять выйдешь из палаты. Здесь слепая зона, камеры не зафиксируют, откуда и когда ты выйдешь. Ты меня хорошо

понимаешь?

Мужчина уверенно кинул, и Света продолжила:

– Пойдешь налево, спустишься по ступенькам на первый этаж, тут недалеко, мы на третьем, выйдешь на улицу, и пройдешь вдоль здания до перекрестка. Я буду ждать тебя в своей машине на маленькой стоянке возле остановки. Камер там быть не должно. У меня черный Mercedes GLS 350. Узнаешь

Глава 8

Света сидела в машине у обочины и ждала, нервно постукивая большими пальцами по рулю. Все, что она творила, было настоящим безумием. И Моль это прекрасно понимала. Однако она также отдавала себе отчёт в том, что Василию опасно оставаться в больнице. Даже если его там и не найдут, она не была уверена, что он сможет морально выдержать саму мысль о том, что это возможно. Мужчина явно находился в пограничном психическом состоянии, в котором был способен на все, что угодно. Где гарантия того, что он не нападет на медсестру или санитарку, как это случилось с ней? Как врач, она отмечала то, что не дано было увидеть обычному человеку, для неё были очевидны его патологические состояния. В мозгу то и дело всплывали знания, полученные на курсе психиатрии. F43.1 – посттравматическое стрессовое расстройство, F40 – фобические тревожные расстройства, F42 – обсессивно-компульсивное расстройство, F48.0 – неврастения... Скромный перечень того, что сразу бросалось в глаза. А сколько всего от неё ускользало? За семнадцать лет жизни, на которую его обрекли, Василий мог превратиться в кого угодно. У него могли развиться стойкие изменения личности, и... Черт, даже думать не хочется...

Пассажирская дверь открылась. Ледяной ветер ворвался в тепло салона. Василий буквально упал на сидение. Видок у него был ещё тот. Хорошо, что уже стемнело.

– Куда тебя отвезти? – спросила женщина, трогая машину с места – Василий? – переспросила она, не услышав ответа. Света клялась себе, что высадит его в указанном месте, выдаст лист назначений, лекарства и забудет все, как страшный сон.

– Мне как-то нехорошо, – прошептал мужчина, кажется, едва удерживая себя в сознании.

– Твою мать! – выругалась Моль, прикасаясь к мужскому лбу рукой. Он горел. И достаточно сильно. Только этого ей и не хватало!

Света откинула спинку пассажирского кресла и, скрипя шинами, развернула свой Мерседес, наплевав на сплошную...

– Черт-черт-черт! – повторяла она, вдавливая педаль в пол. Одна рука на руле, вторая проверяет пульс. Василий лежал на сиденье и, как ей казалось, не обращал на неё никакого внимания. – Плохая идея, нужно возвращаться.

– Нет.

– Прости?!

– Пожалуйста... – еле слышно прошептал мужчина. – Нет.

– С тобой может случиться все, что угодно! После таких травм перечень осложнений длиннее рулона туалетной бумаги. Без нормальной диагностики я не смогу тебя вытащить, как бы ни хотела...

– Остановись, – едва слышный шепот. На самом деле она не понимала, за счет чего он все еще держался! Это противоречило всему, что она знала...

– Зачем?

– Я выйду. Туда... я... не вернусь.

Света отвлеклась от дороги и посмотрела ему прямо в глаза. Василий бессильно свесил голову на плечо и едва ворочал языком. Вот же черт! Высади его... Психанула. Закурить бы, да не стоит травить его еще сильнее... Наконец решила: свернула с дороги. Если ехать дворами – путь к дому значительно сократится...

- Сможешь дойти? - спросила женщина, паркуясь.

- Да... Где мы?

- У меня. Пойдем.

Света вышла из машины, осмотрелась по сторонам. Черт подери! Она так параноиком станет! Открыла дверь со стороны пассажира и помогла мужчине выйти. Он еле держался на ногах. И был очень тяжелым, несмотря на то, что за время болезни серьезно потерял в весе. Слава Богу, что Светлане было не привыкать к нагрузкам, иначе она бы просто его не дотащила. С трудом открыла дверь, и они буквально ввалились в квартиру. Еще немного, и Света сгрузила мужчину на кровать. Где будет спать сама, пока как-то не задумывалась. Спина противно ныла. Ее слабое место. Обычно так бывает после долгих операций.

Стремительно выходит из спальни. Моет руки, забирает свой «тревожный чемоданчик» и сумку с заранее купленными медикаментами. Возвращается. Он в сознании. Зрачки панически расширены, но ничто другое не выдает его состояния. Надевает фонендоскоп. Первое, что приходит на ум - это воспаление легких. Самое распространенное осложнение в таких случаях. Прикладывает «слушалку» к мужской груди. Краем сознания отмечает, что по нему вполне себе можно изучать анатомию. Названия мышц - так точно. С легкими все в порядке. Терапия, конечно, не ее призвание, но хрипы она бы услышала. Осматривает шов, который тоже не вызывает никаких вопросов.

- Я в норме, - звенящую тишину, разрывает шепот мужчины. Света даже вздрагивает от неожиданности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/reznik_yuliya/mol

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)